

ГЛАВА 1

ПИРЫ И ДАРЫ

Во времена, когда голоса птиц звучали подобно бурным ручьям, на вершине Белой горы сидел князь. К князю приходили люди самого разного толка: от послов великих империй до простых людей. Каждый хотел найти в городе на горе что-то свое: кто-то хотел отдать, а кто-то — забрать. И каждый получал от Дороса ответ.

Душа, полная сомнений, не сможет найти покоя. Страна, раздираемая смутой, не сможет процветать. Но стоит обрести мир в сердце, и весь мир станет твоим.

Так есть сейчас, так было и полвека назад. Когда великие правители делили континенты на великие империи, когда народы еще не осели, не успокоились, не выбрали дом и будущее для потомков, когда Византия высоко поднимала горделивую голову, с Востока доносились запахи пряностей и лязг дамасской стали, а скифское золото еще блестело на просторах Таврии. Всеми желанной Таврии.

На берегу Ионического моря есть камни, на цвет кровавые, как зерна граната. Вкрапленные в золото браслета на щиколотке, они сверкают каждый раз, когда ступня показывается из-под края дымчато-черных одежд, окутывающих невысокую фигуру.

Их двенадцать таких, безмолвных и безликих, укутанных в черное с головы до пят. Но лишь у одного из них ноги босые. Может, потерял обувь по дороге из Блистательной Порты* в столицу княжества Феодоро? Путь-то неблизкий.

Двенадцать Теней стоят за спиной Великого посла, когда тот входит в распахнутые двери тронного зала. Двенадцать Теней, как одна, падают ниц, когда посол лишь слегка склоняет голову, приветствуя местного правителя.

Такие порядки укрепились недавно: в столице Империи придумали, чтобы личные слуги, танцоры, бывалые стражники, иноземные наемники — все, кого Великий посол посчитает нужным взять с собой в путь, — звались Тенями. Они окружают его так, что невозможно понять, кто из них какую играет роль. У кого в рукаве роза, у кого — нож. Так безопаснее, когда отправляешься в чужой край. В дикий край, где правят люди Севера, вознамерившиеся подчинить себе Юг.

Двор готовится к большому пиру. Слуги украшают тронный зал, кухня становится средоточием всевозможных звуков и запахов. Распорядители снуют то тут, то там, проверяя работу: к вечеру придут важные гости. Сегодня нельзя ударить в грязь лицом, иначе не сносить головы. Незнакомца встречают по одежке. А пир и есть праздничные одеяния столицы на этот вечер.

Город Мангуп, белыми стенами вырастающий по окаеме высокой, неприступной плосковерхой горы, башнями

* Блистательная Порта — второе название Османской империи, самого влиятельного восточного государства того времени. Столица его — Эдирне.

подпирающий само небо, стоит, как оазис посреди пустыни, со своими богатствами, садами и фонтанами. С просторными кузницами и гончарными мастерскими, с коженными рядами и ткацкими лавками. С библиотеками, банными дворами, безопасными и красивыми улицами, мощенными светлым камнем. С историей, в которой переплетены готская вязь и узоры Древней Византии. Народ любит свой город. Здесь спят облака, здесь правит светлейший из князей. Светлейший, но строгий. И сегодня он не простит им оплошности.

В горах влага оседает рано, а держится до полудня. Капли воды жемчужинами крепятся к бессмертнику, тимьяну, иссопу, клонят гибкие стебли к земле. Князь идет по узкой тропе к дворцу, сбивает росу подолом широких одежд. Он улыбается и прикладывает ладонь ко лбу, чтобы защититься от солнца, проглядывающего промеж башен. За его спиной, за стенами крепости, взвивается в воздух пыль и оседает, оставляя за собой очертания прибывших гостей.

Процессия из Великой Империи Востока движется медленно. Медленно находит свое место в краю, который их не ждал.

Со стороны мыса доносится многоголосый гул: там ведут разговоры. За делом, конечно. Плывет воздух от жара печей. Мастера княжества собрались, чтобы приготовить пир для Великого посла, чтобы приготовить пир для Великого князя. Князь же, успев отдать коня, стоит теперь у окна южной башни цитадели. Опершись локтями о каменный подоконник, он наблюдает, как кони, повозки, слуги, рабы и господа длинной вереницей входят в город по узкому мощеному тракту. На запястьях, груди и висках правителя Дороса сверкает золото. Заслышав шорох одежд за спиной, он даже не оглядывается — знает, кто пришел.

— Если посол таков, как о нем говорят, то приехал он не полюбоваться на наши горы или попробовать красных вин. — Княгиня останавливается поодаль.

— Если бы я был таков, как обо мне говорят, скажем, в Генуе, то с моим ликом уже иконы бы писали. Но вот я здесь, смертен, во плоти, хожу по бренной земле вместе со своими людьми и ошибаюсь с ними наравне. — Алексей ласково смеется.

— Ой ли? Всем бы твои ошибки. Ну что ты сделал не так, по-твоему? Водишь дружбу с ханом, строишь дворцы, обходишь стороной неприятеля.

— Краду невест.

— Невеста была не против. Но она против считается ошибкой, в особенности будучи твоей женой вот уже... Сколько?

— Десять.

— Да. Десять лет. Так что не серди меня.

— И в мыслях не было. — Князь наконец отрывает взгляд от горизонта, покидает свой пост и подходит к Василине, чтобы коснуться губами ее виска.

— Пора. Ждут одного тебя. — В мелодичном голосе княгини тоже слышен смех. Они с князем похожи отношением к событиям любой важности — принимают все всерьез, но другим кажется, будто в шутку.

— Безусловно.

Первая встреча важна, а в случае с посольством Блистательной Порты — жизненно важна. Может наступить большая война, а все княжество Феодоро, сколь ни был бы уверен в себе ее правитель, для огромной империи османов так, на зубок. Нужно все сделать правильно: разузнать, с чем пришло посольство, не показать слабости, но и не кичиться силой.

Князь Алексей направляется к тронному залу. Мимо по узкому коридору пробегает слуга с подносом устриц в одной руке и огромным блюдом фруктов в другой. Пытаясь одновременно уступить дорогу и поклониться господину, мальчишка едва

не падает. Князь, проходя мимо, незаметно поддерживает край бронзового блюда. Так он ведет дела — возвращает равновесие. Он улыбается.

Алексей спускается на пир с женой и детьми, которые садятся так, чтобы не мешать послу. И так, чтобы до советников высокого гостя оставалось как можно больше пространства. Хмурый, грузный мужчина смотрит на светловолосых отпрысков местного государя с задумчивостью, коей одаривает избалованный изысками покупатель ковры на рынке. Самый долгий взгляд останавливается на юном Иоанне. Княжич держится достойно, не выказывает смущения, понемногу перенимая у родителя манеру быть радушным хозяином. А вот темноволосый юноша, не достигший еще возраста, когда ему будет позволено вести разговоры наравне со взрослыми, от такого внимания немного теряется, опускает взгляд на сложенные на коленях руки и тут же получает одобрительное прикосновение к плечу от отца.

— Ваш сын, — заговаривает в очередной раз посол Джахан, отыскав слабое место. Он вертит сушеный финик так и эдак, отправляет сладость в рот, затем указывает огрызком на второго мальчика.

— Исаак. — Голос у князя глубокий, мягкий, будто бархатный, какой бывает у искренне спокойных людей.

— Женат?

— Будет вскоре, несомненно.

— А другие?

— Мария и Иоанн уже помолвлены.

— Неужели? — Посла это удивляет. — С кем же?

— А вы неужто пытаетесь выведать имена наших союзников? — Князь улыбается, придерживает рукав широких одеяний, чтобы дотянуться до инжира. Слуга подступает было в намерении подать угощение, но Алексей останавливает его. Некоторые удовольствия приятнее добывать самому.

— Как можно, аффендизи. — Улыбка посла становится чуть более кислой. Он спешит оправдаться красной ягодой. — Кизил недоспелый.

— Тогда подсластим вечер развлечениями? — охотно предлагает Алексей.

По его знаку выходят музыканты, рассаживаются полукругом в небольшой нише. Скрещивают ноги в щиколотках, прикрывают глаза. Струятся звуки арфы и флейт. Мелодия похожа на утро, на парное молоко, на поле колокольчиков. Она зарождает в душах слушателей легкость и радость, заставляет сердца биться восторженнее, зовет к танцу. Подойдя к финалу, оставляет после себя светлую тоску, желание встречи с любимым другом. То были творения музыкантов Феодоро, рассказчиков жизни в мире и труде.

Наступает черед гостей показать себя. По другую сторону залы устраиваются музыканты посла с совсем иными инструментами. Жители княжества переговариваются, обсуждают, не узнают этих дивных вещей.

Музыка Востока гулкая и низкая, как грудной стон, как марево жары. Мелодия завораживает, но и смутно беспокоит. Готские музыканты отвечают следом: за иссушающим зноем, скольльзящим по надтреснутой коже, льется живительная прохлада родника. Одна история сменяет другую, сушь уступает муссонам, гроза порождает ростки, те опадают каплями золота на пески, золото облекается в узорный кинжал. Восточные сказки красивы, но в них поблескивает острие. Очень скоро становится явно видно: это соперничество.

Стоит правде вскрыться, как напряжение в зале спадает. В Белом городе не принято бояться правды: где ясность — там спокойствие. А вызовы не пугают людей с голубыми глазами и кровью, помнящей Север. Они веселятся от хорошей перепалки, не чураются распрей. В меру, правда. Так, чтобы

ссора не входила в дом. И соревнование в музыке — вполне подходящая для развлечения мера.

Развеселившись, Иоанн ерзает на стуле так, что из-под него чуть подушка не вылетает. Княгиня прячет смех, отпивая из кубка, но не забывает осадить сына и поглядывать по сторонам.

— Ах! Обронила, — сетует она, прежде незаметно стянув с пальца перстень, а теперь наклонившись за ним. Рядом вырастает служанка. Княгиня шепчет ей на ухо пару слов, та отступает и, выждав, пока внимание угаснет, торопливо уходит.

Алексей делает вид, что не замечает возгласа жены, делается задумчивым. Осушает половину кубка одним глотком. Алексей кивает в ответ на взгляд посла, который тот бросает на пустое место за княжеским столом. Нет бы вслух спросить. Но посол все больше общается жестами да переглядками.

— Здесь должен быть Алексей, мой младший сын. Но не успел нас посетить. Он в отъезде.

— Не слишком ли он мал для этого? Тревожно, должно быть, родителю отпускать от себя столь юное чадо.

— Разве у меня должны найтись причины переживать за его безопасность?

— Что вы, аффендизи. Ни одной. И да хранит его Аллах.

— Воистину, — охотно отзывается Алексей. У них с послом вера была разная, и предложение такого покровительства должно бы князя оскорбить. Но дело в том, что он действительно давно водил дружбу с ханом Гераем и легко умел принимать людей с иной верой, иными взглядами, иным чем угодно. Покуда у него и его людей не отнимали права жить по своему усмотрению, он других такого права не лишал. Его сыновья росли, почитая родную культуру, но знакомясь с нравами соседей — им тут еще править. Так что любое небесное покровительство не помешает, не кару же посол пообещал.

Посол кажется несколько расстроенным таким исходом. Еще пару раз он пытается найти прореху в мирном настрое Алексея. Разговоры за обеденным столом перетекают в острые и колкие так же легко, как снова становятся безобидными. Тем временем солнце перекачивается за соседнюю гору, бросает длинные тени на пол. Раз посол хочет тайн — будут тайны. Нельзя же разочаровывать дорогого гостя. Алексей подает Иоанну знак, и тот исчезает, едва не столкнувшись с одним из людей посла. Князь сосредоточенно отделяет ножку перепела. Холодный виноград и горячее мясо отлично завершат этот вечер. От упражнений в остроумии и дипломатии не на шутку разыгрался аппетит.

— Чем еще нас порадуешь, аффендизи? — интересуется жадный до внимания гость.

Алексей вздыхает. Ну надо же, какая ненасытность. Они с ханом Гераем, конечно, порой вели пиры по несколько дней, но и общество друг друга было им приятно, время за разговорами летело незаметно, а не тянулось, как на уроке каллиграфии.

— Вам стоит отдохнуть после долгой дороги, посол. Я как раз отправил сына распорядиться о ваших покаях.

— Самого княжича? А слуги?

— Хороший правитель должен знать, как устроен его дворец. Иоанн в том возрасте, когда ему такие хлопоты на пользу.

— Не настал еще час сна, — упорствует посол.

— Кто говорит о сне? Деревья и животные отдыхают после заката, дневные бутоны закрываются, звери направляются к норам. Так заведено, нам стоит следовать их примеру.

Не найдя за что зацепиться, посол только звонко цокает. Князь отирает ладони о салфетку, кивает вернувшемуся сыну. Не пропускает он и резкий взгляд Исаака, которому доверяют дела куда менее важные, на его взгляд. Княгиня треплет среднего сына по макушке — обещает поговорить с ним после.

— В таком случае позвольте порадовать вас последним подарком... на сегодня. — Свою салфетку посол прижимает к раскрасневшемуся от жары и вина лицу.

Уже пятый, а то и шестой час гости ведут беседы с хозяевами, а писари ведут счет каждому слову. Князь знакомится с лицом Блистательной Порты, но и люди не забывают своих дел: счетоводы, ремесленные, управители земельных наделов и военачальники — каждый не упускает ни минуты, подаренной владыкой. Им устроили выгодную встречу: под звуки музыки и звон бокалов дела налаживаются порой скорее, чем на привычном рабочем месте.

Но сам князь, казалось, возможностью пользоваться не спешил, вопросов посла избегал, а теперь и вовсе намеревался скрыться, сославшись на поздний час.

— Пусть сон будет сладким, как лукум, — елейно посмеивается Джахан, открывая перед Алексеем драгоценную резную шкатулку, инкрустированную цветным стеклом. В воздух вырывается манящий запах сладостей в белой сахарной муке.

— Можно? — не удерживается, потянувшись к диковинке, сын Алексея. Прянет назад, стушевавшись. Слова ему не давали. Но посол ничуть не против такого любопытства:

— Позвольте юному княжичу. Тем более мой подарок — не это...

Они перемещаются из-за стола, устраиваются перед полукруглым залом, как перед сценой. Великий посол Джахан снова одаривает молодого правителя улыбкой. Отбросив скуку и раздражение, гость становится похож на восточного колдуна, со своими послушными волшебными Тенями, что склоняются в глубоком змеином поклоне по одному движению его головы, увенчанной тюрбаном. Непохожие на людей, Тени являют себя в зале, звенят, как закрытые шкатулки с золотыми монетами, рассыпаются в начале танца перед восхищенной публикой по мрамору пола черным туманом с манящими

искрами. Сколько их? Пять? Пятнадцать? Так и не разберешь. Происходящее похоже на морок.

Князь сидит не на троне — на мягких подушках, нарочито расслабленный, по-южному радушный. Острый взгляд серых северных глаз подмечает любую деталь, каждый жест и поворот головы, что чуть резче прочих. Он видит: одна из Теней посла не обута, из-под длинных полупрозрачных одежд при каждом движении мелькают смуглые пальцы.

Церемонии перед действием не отнимают много времени. Посол преподносит дары — ровно столько, сколько Империя не пожалела отдать. Посол стоит, не присаживаясь, — ровно столько, сколько нужно, чтобы не устать. Порта жаждет надежды сомкнуть пасть и откусить от Византии побольше, а потому подбирается к ней, начиная с малого. Но об этом посол не говорит. Он устраивается на кушетке, сощулив глубоко посаженные глаза под пышными бровями.

— В Порте говорят, что из вашего края никто не возвращается, князь. Интересно почему?

Послу многое сейчас интересно: почему здесь сидят не как на Севере и не как на Юге? Почему крымский хан отказался помогать им вести дела с Мангупом, прислав письмо в возмутительно шутливой манере?

Посол и сам умеет шутить. Он выказывает благодушие, не скупится на похвалу. Князю приносят украшения и ткани, пряности и масла, дорогое, искусно инкрустированное оружие. Посол хочет торговать с этим княжеством и не просит, но ждет позволения, уверенный, что отказа не будет. Великой Порте не отказывают.

Посол велит принести восточные игры и дарит их тоже, предлагая князю позабавиться, пока кубки наполняются снова и снова. Льется молодое доросское вино, в зале разливается музыка. Дух Востока проникает в него, меняя это место, подобно чуме: неуловимо, неотвратимо. С каждым часом

неспешных разговоров, с каждым блюдом, когда пышная яблочная сдоба сменяется медовой пахлавой. Так происходило со всяким краем, городом и дворцом, куда приходила Империя. Все становилось ее подобием с дурманящими мелодиями, жаркими запахами, пестрыми красками.

В распахнутые стрельчатые окна врывается свежий вечерний ветер.

Князь отвечает с улыбкой на вопрос посла:

— А разве отсюда хочется уходить?

Из гостеприимной столицы едва ли кто поспешит уйти, если пришел с добрыми намерениями. А если с недобрыми, так попросту уйти не сможет. Но это ведь совсем другой разговор.

Покуда льется вино, а столы ломаются от угощений и музыка разносится под сводами зала, — почему бы не развлечься? Не поиграть в чужие игры, не послушать чужую музыку?

Алексей незаметно подает знак. В центр тронного зала выходят танцовщицы, подхватывая мотив восточной музыки и вплетая в него свои движения. Порта много чего говорит на диковинном своем языке, но всякую заморскую речь можно развить в диалог двух культур. На худой конец, в творческую дуэль, демонстрацию мастерства. Принять чужое тоже можно по-разному: можно согласиться, а можно и позволить.

— И вправду. И вправду... — Посол покачивает головой на толстой шее, дует в усы и отправляет в рот финик, завернутый в тонкий ломтик мяса.

Вот, значит, какой он, новый правитель княжества Феодоро. Проще было, когда на троне восседал его отец — Стефан, кажется. Тот был тихим, неприметным, готовым исчезнуть с поля битвы за власть, как только представится такая возможность. А этот... Поглядите на него — подсылает своих танцовщиц. Думает, никто не заметит такой наглости?

Глаз посла чуть дергается. Да что не так с этим островом? Что хан, что князек — одного поля ягоды, гордцы. Он шелкает

пальцами, унизанными множеством колец, подманивает слугу. Тот кивает и убегает выполнять поручение. Пусть начнется настоящее представление, а не этот балаган.

Музыка обрывается неожиданной тишиной. Первым в ней, открывая новый акт, звучит протяжный мизмар. За ним звенят по нарастающей циллы. Под гулкий, сердечный бой табла в клубах дыма от группы танцовщиц отделяется Тень. Полупрозрачные одежды обволакивают фигуру, словно черной водой, оставляя изгибы едва читаемыми.

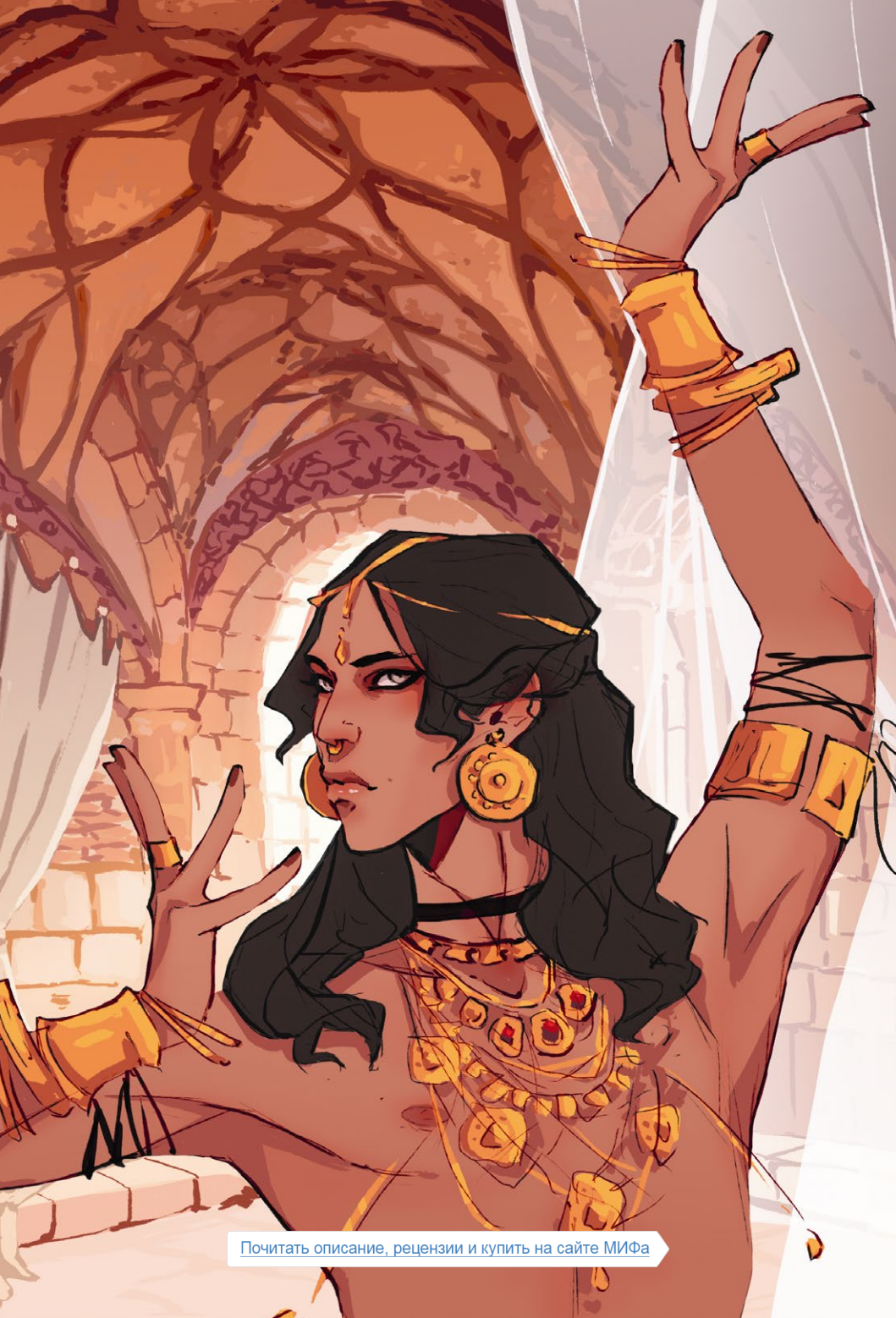
Мангупские девы замирают вместе с остановившейся музыкой. Алексей очерчивает пальцем круг в воздухе и уводит жест в сторону. Танцовщицы медленно двигаются по краю освещенной площадки, освобождая место. По одной в легком танце скрываются они из поля зрения. Все теперь выглядит так, будто смена танцев была запланированной, без неловкости, которой мог бы обернуться такой сюрприз.

Занявшая место ушедших девушек Тень двигается странно: она то видением зависает в воздухе над полом зала, то становится зримой и выгибается причудливым изваянием. Опускается к земле, вырастает внезапно. У того, кто способен на такие движения, не может быть ни имени, ни возраста. Но браслет на ноге, позвякивающий от движений алыми камнями-каплями, выдает уже примеченного князем среди прочих человека.

Вдруг будто случайно соскальзывает с головы танцора верхний палантин, открывая глаза, распущенные волосы, дерзкие плечи, обнаженную спину и руки в золотых браслетах. Те взгляды, что еще не были прикованы к центру зала, устремляются туда.

— Признаю, уважаемый посол, этим вы меня удивили.

Посол знает, как хороши его сокровища, и эта Тень, оплетенная драгоценными цепями, окропленная алыми камнями, в том числе. У танцора всегда закрыта часть лица,

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

и не без причины. Всегда напоказ выставлена копна черных волнистых волос — тоже неслучайно. Эту диковинку хотели забрать бесчисленное количество раз. Посол гордится им, как цветом своих пряностей, как породистыми арабскими лошадьми. Гордится им — и ненавидит его.

— Неужели, князь? Ваши собственные дворы полны искусных танцовщиц, да не обманет меня мой взор. Мои же — скромный дар вашему досугу.

— Вот какие у вас дары, посол: не коснуться, не увидеть ближе, не оставить себе. Порты дразнит, обещает, манит, ублажает взоры детей и женщин. — Улыбка князя становится лукавой.

— Отчего же? — изумляется Джахан. — Все на этом вечере — ваше, что ни пожелаете. А для тех, кто решает встать под благословенную сень Порты, — и вовсе каждое богатство мира.

Еще бы. Восток обступал со всех сторон, брал в тиски Черное море. Сулил богатства, манил ароматом шафрана и кофе. Но правители чувствовали: скоро не останется ни Запада, ни Севера, ни Юга. Останется только Восток.

Незаметно на смену ускользнувшим готским танцовщицам вокруг появляются восточные дивы. Тень же то подходит ближе, то ускользает в дыму, мелькая между ними. В разрезах широких шальвар видны крепкие бедра, а в изломе бровей читается яркое чувство. Неясно только какое. А Тень себя ни прочесть, ни угадать не дает, опуская глаза каждый раз, стоит хоть кому-то попытаться встретиться с ним взглядом.

День близится к закату, скоро последняя солнечная дуга скроется за тонкой полоской моря на западе. Разговоры за столами текут уже совсем неспешно, сыто и лениво, а подносы и кубки пустеют далеко не так быстро, как в начале пира. Воздух в зале становится плотным и тяжелым от запахов вина, людей и благовоний. Кое-кто из пирующих уже не успевает следить за танцем хмельным взглядом, но князь, напротив, запоминает каждое движение.

Посол с трудом скрывает удовлетворение. Когда танцор собирается подойти ближе, подает едва заметный знак: пойдй прочь. Тень исчезает, напоследок сверкнув острым взглядом. Князь провожает его в задумчивости, но из размышлений правителя снова выдергивает вопрос посла:

— Я слышал: нравы у вас отличаются... от всех иных. Вы не Север, не Юг, не Восток и не Запад. Неужели в Доросе нынче центр мира?

Алексей кидает короткий, но пронизывающий взгляд на посла — тот слишком доволен, это видно по сдерживаемой речи, по живым, подвижным глазам. Будь князь менее хорош в дворцовых делах, которые пробуждали в нем немалый азарт, может, и не заметил бы этого ликования. Остается только смотреть, что будет дальше. Не упустить момент и взять свое.

— Центр мира? — отвлекается Алексей от мыслей о грядущем. — Если так полагает мой уважаемый гость, то не мне спорить.

Князь с трудом удерживается, чтобы не спросить, можно ли принять лестные слова за мнение всей Блистательной Порты, говорящей сейчас устами своего посла.

Молодое вино пьется легко, но отдается тяжестью в ногах. В старых ногах — гораздо больше, чем в молодых. Весь вечер князь мешает вино с водой незаметно: не льет ее в кубок, а пьет из нескольких. То глотнет пьянящий напиток, то дважды — родниковой воды. Кому-кому, а уж ему нужен крайне трезвый рассудок, особенно сейчас, когда у них такие... редкие гости.

После затихшей музыки князь молчит, постукивает пальцами по столу и теперь обращает внимание на шкатулку, которая привлекла внимание его сына. Сквозь стекло струится свечной свет, падая цветными пятнами на стол. Во времена, когда вместе с танцами дарят всех танцующих рабов, а иногда и музыкантов в придачу, посол оказывается на удивление скуп.

Джахан в это время не замечает, как теряет бдительность. Блистательная Порта не разменивается на мелочи, так чего следить за каким-то князьком, верно? С ним в мире не считается никто, а этот визит лишь формальность. Наверняка и хан окажется благоразумным человеком, в конце-то концов. Посол напевает себе под нос незатейливую навязчивую мелодию, смеется, переговариваясь с князем и окружением. Не замечает, что сам князь и не собирается терять рассудительности. И что один из придворных меняет местами две фигуры на доске для игры в шатрандж*. Просто так, шутки ради, прежде чем склониться к князю с донесением.

Владыка, в коридорах тени стали длиннее. Вы можете покинуть общество посла и заняться этим. Или отдохнуть, если угодно. За пиром присмотрят. Пусть музыка будет стихать постепенно, а гостей станут провожать в покои по одному. Так безопаснее. Для гостей, конечно. Ведь в Доросе принято заботиться обо всех, кто уснул на Отец-горе.

Вокруг посла постепенно становится все больше людей. Старший сын князя лично наполняет его кубок, задает вопросы, ловко перехватывает беседу. Юный княжич смеется, мешая в речи греческий и османский. Конечно, не для того, чтобы запутать посла. Одна из танцовщиц будто бы случайно, проходя по залу, задерживается рядом со столами господ. Увлекает зрителей коротким танцем, берет протянутый ей кубок и пьет — рубиновые капли вина падают с полных губ и текут по белой шее. Посол забывает смотреть на князя, расслабленный в своей уверенности и сытости.

Следы от стоп танцовщиц блестят на каменном полу, но князя интересуют не они. Он упирается ладонями в стол,

* Средневековая игра-стратегия, аналог шахмат, зародилась в Древней Персии.

поднимается на ноги и, уже стоя, возносит последний бокал вина за гостей. Ему отвечают жена, дети, подданные. Хмурый беловолосый стражник, наблюдающий за действием из-за поворота, покидает пост и уходит по коридору.

— Пусть прибытие гостей на наши земли будет благословением им и этим землям.

Речь на греческом подхватывают переводчики, шепчут на уши своим господам. Те довольно кивают, отдают честь и князю, и послу, с которым прибыли. Пир подходит к своему завершению.

В сопровождении стражи князь покидает зал. Обычно в этом нет нужды, но с таким количеством гостей нужна не одна пара глаз, а все три.

— Что думаешь? — Василина вскоре присоединяется к мужу. Стайка ее служанок следует по пятам, становится рядом с поверенными Алексея.

— Слишком много он вызывает для того, кто приехал договариваться. То ли присматривается, то ли выискивает что-то, зная, что мы не согласимся на их владычество. А что думаешь ты? — Алексей мягко берет ее руку в свои. Справа от них между арками мерцают последние солнечные лучи. На Дорос ложатся густые сумерки.

— А я думаю, что давненько не видела мужней ласки. Истосковалась вся. — Василина льнет к руке князя, склоняет голову к плечу, едва не касаясь. — Провожу тебя немного, не гони.

Всем известно, что в княгине Алексей души не чает и бережет больше прочих сокровищ — не стал бы от себя прогонять никогда, даже вертись она в кузне во время его работы. Также известно и то, что Василина необходимости в ласке искала столько же, сколько и дикая лисица: прикорми, похвали

да по своим делам откланиваясь. Ее логовом было все женское крыло дворца, и без крайней нужды выбираться оттуда она не спешила. Развлекали княгиню подружки, занимали дела, бесчисленные комнаты с рукоделием и иными занятиями.

В общем, с мужем они виделись вдоволь, по обоюдному согласию, и чаще всего любили думать друг о друге на некотором расстоянии. Не могло быть такого, чтоб Василина Палеологиня вдруг без внимания взяла и зачала.

Поняв намек, стража переглядывается и внимательнее следит за силуэтами в сумерках.

— Тесно мне в груди, — вздыхает княгиня, прижимаясь покрепче к плечу Алексея. У самой и правда сердце бьется часто.

Неспокойно мне. Тревожно. Происходит что-то, но все мои служанки не смогли разузнать что. Один не ходи даже в спальню, выставь стражу, себя береги. Слишком тихо пир прошел — не может посланник Порты приехать, только чтоб выпить вина и развлечься.

— Гостить им у нас еще долго, всё нам на пиры ходить да на встречи. — Алексей вздыхает и замедляет шаг, чтобы было удобнее вести разговор. — А вместо того могли бы в Солхат поехать друзей навестить.

Василина знает, что в Солхат Алексей ездил только по самым важным случаям, обычно хан Герай сам приезжал к старому другу. Фыркнув, князь мягко отстраняется от жены, разворачивается на пятке и осматривает свою стражу с ног до головы. Сегодня командиры-сотники, Драгош Аларис и Хало Баду, проводят его до покоев, пока остальные Мечи и стража присмотрят за городом и семьей.

Височные кольца касаются высоких скул правителя, бросают отблеск.

— После первого солнца пусть вас сменят Алес и Хвитан. — Князь взмахивает ладонью.

Князь и княгиня расстаются. Василина сжимает на прощание пальцы супруга, задерживается, смотрит с тревогой в его светлые глаза. Ей не нравится, когда она не знает, что происходит. Ей не нравится, что она не может догадаться, отчего становится все более тревожно, чем дальше она отходит от спальни Алексея.

За князем плотно закрывается дверь. Теплая после жаркого дня комната пахнет сандалом и кипарисом.

Василина добирается до женского крыла дворца. В покоях ее окружают цветастой стайкой служанки: расчесывают волосы, переплетают косы, помогают снять парадные тяжелые платья. Оставшись в легкой нижней рубашке, она сама снимает тяжелые серьги, многочисленные шейные украшения, складывает это богатство на поднос. На груди становится легче, а в груди — нет. И, только коснувшись головой подушки, княгиня вскакивает: вот что случилось. Запах был чужой прямо у двери в спальню князя. К привычным сандалу и кипарису примешалось что-то, заставило беспокоиться.

Наскоро накинув бархатный халат, княгиня выглядывает за дверь, чтобы позвать слугу. Нужно спешить.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)